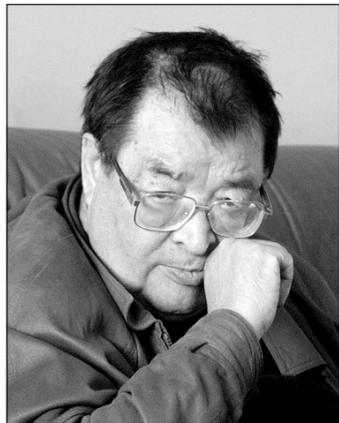

ПРОШУ СЛОВА!

Структура Академии наук и академических институтов не соответствует рыночной экономике

Академик В.Е. Накоряков

Оценивая условия для работы физического института в Академии наук, прихожу к выводу, что скоро ученым всех уровней делать в институтах будет просто нечего. Особенно потрясают нововведения пяти последних лет. Задаю себе вопрос, что дали финансирования по проектам и программам, и сам себе отвечаю: абсолютно ничего, кроме бюрократической суеты, дополнительных отчетов и потери времени — так ответит любой научный сотрудник.

Что дал знаменитый пилотный проект увеличения заработной платы до тридцати тысяч рублей молодым ученым, который реализовывался в Сибирском отделении за счет средств на ремонт, приобретения материалов, создания новых установок?

В какой-то степени мы заинтересовали молодых ученых, но по-прежнему мы не обеспечиваем их жильем и не можем привлекать к работе на эксперименте. За это время мы омертвили большие серьезные установки, так как они требуют постоянных расходов, и не было никакой возможности делать новые. Новые, самые простые экспериментальные исследования проводили только за счет грантов РФФИ.

Система грантов прекрасна для небольших автономных научных коллективов: кафедр ВУЗов, лабораторий. В академических институтах участие в исследованиях по гран-

там РФФИ привело к «перетечке мозгов» из лаборатории в лабораторию. Лаборатория, получившая грант, принимает на работу сотрудников других лабораторий. И чем удачливее институт в получении грантов, тем менее нынешняя структура институтов эффективна. Часто тематика грантов совпадает с тематикой бюджетных проектов и программ, что затрудняет отчетность и зачастую приводит к недоразумениям.

Мы без сопротивления ждем реализации проекта финансирования академических институтов через субсидии, но в то же время легко себе представить, что некоторые лаборатории окажутся без субсидий. Субсидитарная форма финансирования находится в глубоком противоречии со смыслом глубоких фундаментальных физических исследований. По существу, чиновник из министерства или какой-нибудь член Президиума должен предложить мне открыть волну разрежения в веществе вблизи критической точки (такое открытие зарегистрировано академиком Я.Б. Зельдовичем, академиком С.А. Новиковым, академиком В.Е. Накоряковым и докторами наук, братьями А.А. Борисовым и А.А. Борисовым в 1980 году). Если я сам вызвался бы провести эту работу, то не сомневаюсь в том, что вся бюрократическая братия, делящая деньги, отказалась бы финансировать этот проект, так как никто из них не в состоянии оценить и понять его суть.

К чему привела система финансирования через казначейство и введение конкурсной системы заказов на оборудование, материалы и услуги? Результат простой — резкое сокращение денежного оборота, что эквивалентно уменьшению объема финансирования.

Абсолютно губительным для экспериментальной науки является решение переводить на пенсию пожилых инженеров и рабочих для освобождения ставок для молодых сотрудников. Рабочие и инженеры создают экспериментальные установки, и от их опыта, искусства и таланта зависит судьба исследований. Что будут делать молодые сотрудники в академических экспериментальных лабораториях без оборудования, рабочих и инженеров? На пятьдесят научных сотрудников чистых теоретиков нужно не более пяти. Мы много-много лет идем

на поводу у руководства и абсолютно не защищаем свои права, в результате чего плохо выполняем свои обязанности производства новых знаний. Поток непрерывных глупостей, исходящий сверху, растет. Может быть, и ученые пора устроить что-то вроде «оранжевой революции»?

Уверен, что пора отказаться от выборов директоров институтов всем коллективом и перейти к выбору директоров на Ученом совете института из кандидатур, предложенных Объединенным ученым советом и Президиумом Академии наук. Необходимо в ближайшее время требовать пересмотра Устава Академии наук, структуры институтов, системы выборов в Академию.

Абсолютно уверен в том, что пора прекратить предоставление молодежи вакансий в члены Академии наук. Совсем нет никакой необходимости в том, чтобы директора институтов были обязательно членами Академии. Хороший администратор с сильным Ученым советом может многие годы успешно руководить институтом. При выборах в Академию наук должно учитываться количество подготовленных докторов наук, индекс цитирования, членство в редакциях авторитетных журналов и известность среди коллег-ученых.

Не меньше уверенности и в том, что необходимо увеличение роли профсоюзов в жизни институтов и деятельности дирекции институтов или ректората университета. За годы ректорства в университете и директорства в Институте теплофизики я убедился в том, что при сотрудничестве с партийной, комсомольской, профсоюзной организацией деятельность дирекции института или ректората университета более эффективна, чем диктатура дирекции или ректората, как сейчас.

Жизнь заставляет реформировать Академию наук самым решительным образом, так как организационная структура ее институтов абсолютно не соответствует проводимым и предполагаемым реформам. Более того, эта структура не соответствует рыночной системе экономики, разрешающей любому человеку работать по совместительству в бесконечном числе мест. В этом громадный недостаток всей системы Академии наук в рыночной России. Большие научные кол-

лективы могут быть эффективными лишь при большом бюджетном финансировании, большой заработной плате, превышающей возможности ученого зарабатывать в других местах и возможностью стимулирования этой деятельности при полной абсолютной свободе выбора предмета исследования.

Задача руководства Академии наук в том, чтобы суметь доказать правильность именно такого подхода к сохранению фундаментальной науки в стране. Академия наук должна реформироваться, сократиться по количеству, получить большое, но посильное для страны финансирование. Скорее всего, при такой революционной реформе президент Академии наук на первый, по крайней мере, срок должен быть не выбран, а назначен.

Такие структуры как Новосибирский научный центр, могут начать быстро развиваться при условии передачи в полную собственность научного центра закрепленных за ним в ранние годы земельные территории с правом передачи земель в долгосрочную аренду для строительства жилья, наукоемких производств и офисных зданий. Часть помещений, построенных инвесторами, определенные денежные средства от реализации проектов, поступающие в распоряжение Президиума Новосибирского научного центра, позволили бы саморазвиваться подобно тому, как развивались так называемые «земельные университеты», например, Массачусетский технологический университет в Соединенных Штатах.

Таких знаменитых ныне университетов было создано около сотни. Цель, перед ними поставленная, — развитие фундаментальной науки, прикладных исследований и реализация инженерных проектов. В знаменитых классических университетах типа Гарварда физика, химия и биология стали культивироваться только после опыта Массачусетского технологического университета, Калифорнийского технологического института и других.

С каждым годом развития рыночных реформ становится ясна необходимость пересмотра устава структуры академических институтов и всей Академии наук. Академия наук не должна отставать от времени, а в необходимости сохранения ее для страны я не сомневался и не сомневаюсь.

Нам дают «зеленую улицу»

Аспирант физического факультета НГУ Николай Туманов невольно оказался очевидцем и жертвой событий, связанных с извержением вулкана в крошечной Исландии, парализовавшим авиационное сообщение по всей планете. Наконец-то, добравшись до дома после «европейского плена», он делится с газетой впечатлениями.

— Николай, как вы оказались в Европе?

— Ездил в Европейский центр синхротронных исследований в Гренобле (Франция). Здесь в Новосибирске, работая с кристаллами аланина при высоких давлениях, мы неожиданно получили новую фазу (как только что выяснилось из проведенных в Гренобле экспериментов — первый сольват этой аминокислоты, ранее этого никому получить не удавалось), и для того, чтобы расшифровать ее структуру, срочно потребовался внеплановый эксперимент с использованием синхротронного излучения. К счастью, у наших коллег в Гренобле нашлось «окно» — время на пучке, которое они предоставили нам.

— Так вот просто и предоставили? Так легко?

— Более того — очень оперативно: с момента нашего обращения к ним прошло всего две недели. Думаю, дело в том, что у моего научного руководителя, зав. кафедрой химии твердого тела проф. Е.В. Болдыревой с Европейским центром синхротронных исследований и, в частности, со Швейцарско-Норвежской станцией, давние контакты и долгосрочный проект. Она много лет сама там бывает, проводит эксперименты, а с прошлого года стали ездить и мы, аспиранты. На станции знают, что задачи наши интересные, а эксперименты всегда быстро завершаются публикациями в высокоцитируемых журналах. Поэтому и дают нам «зеленую улицу».

— Вы первый раз были в Гренобле?

— В сентябре прошлого года мы уже работали на той же станции вместе с аспирантом ФЕН Василием Миньковым и самой Еленой Владимировной. По результатам недели круглосуточных экспериментов уже приняты в печать две статьи. Но материала для

обработки еще на месяц хватит.

— Ваши впечатления от работы в Гренобле?

Я работал на Швейцарско-Норвежской станции, одной из нескольких десятков разнообразных научных станций, расположенных вокруг ускорительного кольца периметром 844 метра. Все они используют синхротронное излучение, которое возникает при изменении вектора скорости пучка частиц. Поскольку синхротрон действует постоянно, то работать приходится по ночам, чтобы максимально использовать выделенное время.

Приятно удивляет хорошая организация всех сторон деятельности научного центра, начиная с собственно научных вопросов. Я в любой момент дня и ночи имел доступ к широкому спектру разнообразных инструментов, приборов, а также к библиотеке, где есть электронный доступ ко всем необходимым научным журналам и ресурсам. Хорошо организовано обеспечение безопасности исследований, питание и транспорт внутри комплекса. Например, в ходе последнего эксперимента мне приходилось постоянно бывать в лаборатории, которая находится примерно в 200 метрах по кольцу, поэтому для быстроты я ездил туда на одном из велосипедов ESRF. ESRF — общество с цветовой дифференциацией велосипедов; простые пользователи и сотрудники станций могут брать любой красный велосипед, а вот желтые предназначены только для сотрудников, которые занимаются обслуживанием непосредственно ускорительного кольца. Велосипеды также упоминаются при прохождении инструктажа по технике безопасности (который, кстати, проходит он-лайн) — например, указывается, какой стороны

кольца нужно держаться при поездке, запрещается ездить, держась за руль одной рукой или везти при этом тележку с грузом.

— Как сам город?

— Старинный, красивый. Он расположен в живописной долине двух рек недалеко от Альп, месте проведения зимней олимпиады 1968 года. В Гренобле есть и крупный научно-образовательный комплекс, который включает несколько университетов, такие крупные центры, как Европейский центр синхротронных исследований, Институт Лауэ-Ланжевена (источник нейтронного излучения в виде небольшого ядерного реактора), Европейский центр молекулярной биологии, Комиссариат по атомной энергетике и др. Вокруг этих центров существует множество наукоемких фирм. Такая ситуация является следствием политики децентрализации науки во Франции.

— Отразилось ли на вашей жизни извержение вулкана, о котором здесь столько писали и говорили?

— Если честно, в ходе эксперимента я не особенно следил за новостями. Но незадолго до возвращения проверил состояние рейса, на котором мне нужно было лететь, и обнаружил, что аэропорт города Лион (ближайший к Гренобле) закрыт, а следующий аэропорт — Франкфурт — открыт. Сложилась достаточно неприятная ситуация: отменен первый рейс из трех, соответственно, пропала следующая. Но потом, «к счастью», их отменили тоже. Решил добраться до Франкфурта наземным транспортом. Но во Франции в это время проходила регулярная забастовка работников железнодорожного транспорта, и были отменены практически все поезда. До соседней Швейцарии, где поезда ходят с точностью швейцарских ча-

сов, доехал на автобусе. Ближе к середине ночи добрался до аэропорта Франкфурта, но мой рейс перенесли еще на один день. Я решил съездить на фирму STOE, которая изготовила несколько наших приборов, и обсудить с ними некоторые технические вопросы. На следующий день, 21 апреля, мне удалось вылететь в Москву.

— И последний вопрос, который всегда возникает в случаях, когда кто-то ездит в зарубежные командировки. Кто за все это платит?

— В данном случае за все было заплачено из средств Государственного контракта нашей группы, выполняемого совместно с профессором из университета Стони-Брук (США) Артемом Огановым. Экспериментальная работа в Гренобле — как раз часть работ по этому контракту.

Наш корр.